
В. А. НЕХАМКИН

**ДОНОС КАК СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
(из отечественного опыта 1930-х годов)**

Доносительство рассматривается как общесоциальное явление и как специфическое явление в практике СССР 1930-х годов. Исследуется информационно-психологическая сущность доноса, выделяются распространенные в данный период идеальные типы доносов: «профессиональный», «бытовой» и «открытый». Сопоставляются мотивации доносительства в СССР, в современной России и на Западе.

Ключевые слова: доносительство, «профессиональный», «бытовой», «открытый» доносы, тоталитарный социум, демократический социум.

Донос – явление, характерное для различных эпох, стран и народов. Он пронизывает прошлое, связывает его различные периоды. Например, бывший чекист А. Орлов (Л. Фельдбин) видит в доносах друг на друга советских партийцев 1930-х годов продолжение практики «недель милосердия», введенных инквизицией. «В эти недели каждый христианин мог добровольно явиться в инквизицию и безнаказанно сознаться в ереси и связях с другими еретиками. Ясно, что новейшие, сталинские инквизиторы, как... и их средневековые предшественники... извлекали выгоду из этого обычая, получая порочащие сведения о лицах, которые уже подверглись преследованиям, и вскрывая все новые очаги ереси» (Орлов 1991: 92). В 30-е годы доносы стали своеобразным воспроизведением на качественно новом уровне средневековой практики.

Отношение к доносу как на уровне государства, так и среди обычных людей неоднозначное. В одни исторические периоды государство стимулирует (морально и материально) добровольных информаторов, в другие – порицает их действия. Вспомним, что в СССР 1930-х годов активно поощрялся и пропагандировался донос пионера Павлика Морозова на отца (в Москве, Свердловске, других городах ему сооружались памятники). В период перестрой-

ки поступок пионера, наоборот, клеймился позором (характерно название опубликованной в 1988 году на Западе и вскоре переведенной в СССР работы Ю. Дружникова «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова»). Подобные метаморфозы происходят и на уровне обыденного сознания. Здесь донос то восхваляется как подвиг, то активно осуждается (в чем косвенно проявляется отношение граждан к государству или его прошлому).

Принято считать, что донос – характерная черта тоталитарных социумов, существовавших как в ранние эпохи человеческой истории (государства Древнего Востока, Древний Рим), так и в XX веке (нацистская Германия, фашистская Италия, СССР и др.). О доносах идет речь в антиутопической литературе («Мы» Е. Замятина, «1984» Дж. Оруэлла и др.), о нем говорят советские диссиденты. Так, герой стихотворения А. Галича «Бессмертный Кузьмин» с Гражданской войны до ввода Советской армии в Чехословакию в 1968 году перманентно как «истый патриот, верный сын Отечества, обязан известить власти предрезающие...» (Галич 1989: 200). Конечно, при тоталитаризме доносы поощряются государством весьма активно, но сводить их распространение только к данному типу общества неправильно. Доносы характерны и для демократических социумов.

С научной точки зрения донос – многоаспектный феномен. Он объединяет различные грани индивидуальных и общественных отношений. Во-первых, информационную, ибо его суть сводится к передаче сведений об отдельном лице или группе, которую он (они) стремятся скрыть, другим людям или каким-то государственным структурам. Указанная информация должна быть определенным образом обработана, представлена в надлежащей форме, чтобы по ней принимались меры.

Во-вторых, психологическую: человек должен быть внутренне готов к тому, чтобы стать доносчиком. Для этого мало только «личной» предрасположенности. В обществе необходим соответствующий микроклимат, поощряющий данное явление, его постоянная стимуляция через идеологию, коллективные действия. Например, в тоталитарных социумах XX века была распространена концепция своей страны как осажденной врагами «крепости», которую надо защищать всеми доступными средствами, не считаясь даже с родственными связями.

В-третьих, этическую. Донос нарушает практически каждую из десяти заповедей Моисея, на которых строится общечеловеческая мораль. Это обстоятельство тоже требует определенной перестройки мировоззрения личности. Донос как зло должен оправдываться тем, что он предотвращает еще большую беду. Так рассуждал, например, находящийся в эмиграции И. Л. Солоневич. Он считал, что монархию в России, которая являлась лучшим общественным строем, чем установившийся в СССР, можно было спасти, если бы подданные сообщали в правоохранительные структуры о деятельности революционеров. Отсюда вывод: если я теперь «обнаружу какого-нибудь революционера, безо всякого зазрения совести пойду в полицейский участок, ибо я *имею право* защищать свою жизнь и свободу... и всей моей страны. В 1914 году я, может быть, еще и постеснялся бы, но теперь я *не* постесняюсь. Ибо это значило бы совершить предательство по отношению к будущим детям моего народа, которых товарищи социалисты снова пошлют на верную смерть» (Солоневич 2011: 383–384).

В-четвертых, мотивационную. Разнообразны и внутренние причины, по которым люди совершают донос. Сюда можно отнести и банальную алчность (недаром государство с древнейших времен стимулирует доносчика частью имущества жертвы или денежным вознаграждением¹), и личное соперничество (желание устранить конкурента на любовном и/или административном «фронте»), и совершенно искреннее стремление доносчика помочь государству, и страх за последствия «недонесения» (активно поощряемый государством через особую систему правовых мер), и многое другое. Указанные мотивы на практике пересекаются, образуют каждый раз специфическую систему взглядов.

В-пятых, родственную. Донос в некоторых ситуациях касается ближайших родственников доносчика (мужа, жены, отца, детей, сестры/брата и т. д.). Зная, что они могут пострадать, доносчик должен иметь определенную иерархию ценностей, оправдывающую поступок, ставящую интересы целого (страны) выше части (личности). Это представление себя как «послушного винтика»

¹ Размеры платы за донос могут отличаться в разных социумах, но есть и сходные моменты. Иуда, донесший на Христа, получил за это от властей легендарные «тридцать сребреников». А. И. Солженицын рассказывает в романе «В круге первом», что в «шарашке» (специальном научном учреждении для заключенных) Марфино, где он отбывал срок в 1947–1950 годах, осведомители МГБ тоже получали зарплату в размере... 30 рублей.

в руках государства/вождя, «защитника» традиционных устоев, борца за новое против «загнивающего» старого, перешагивающего через личное ради общего.

В любом конкретном случае данные аспекты доноса сливаются в определенную систему, где подчас трудно найти в «чистом виде» ее составляющие. Поэтому донос выступает междисциплинарным объектом изучения, представляющим интерес для историка, психолога, социолога, этика, культуролога, политолога и др. Рассмотреть в одной работе столь сложный феномен в полном объеме не представляется возможным. Начать же надо с определения сущности доноса и анализа его конкретных проявлений в СССР 1930-х годов.

На мой взгляд, донос – прежде всего процесс информационный, состоящий в передаче секретных (тайных) сведений (независимо от степени их соответствия действительности) об одном лице (их группе) другому властному лицу (государственному органу) с целью принятия к доносимому определенных правовых и (или) прочих социальных санкций. Неслучайно Орлов (Фельдбин) сравнил НКВД 30-х годов с громадным почтовым ящиком, через который любой советский человек может отправить свое сообщение.

Сталинский охранник А. Рыбин приводит следующий эпизод: «Во время войны бывший моряк Теляков в закуской на Арбате стал хвастаться: ”Я – такой человек! Мы такие дела делали!.. Да я могу даже бомбу бросить Сталину под машину”, – всюду раздухарился он. Доброжелатели тут же сообщили мне об этом. Никакой бомбы у него не было и в помине. Просто во хмелю захотел похвастаться перед собутыльниками. А его отец был моим доброжелателем. Сам рассказал про все. Посадили дурака. А что делать? Не трепись где попало и о чем попало» (Рыбин 2010: 116–117).

В качестве субъекта доноса здесь выступает отец Телякова, что довольно необычно (чаще в тоталитарных странах донос идет по линии «ребенок – родитель», что вызвано значительным доверием детей к государственной пропаганде). Посредником выступает А. Рыбин, доводящий секретную информацию, рассказанную в пивной, до представителей НКВД, которые принимают к субъекту административные меры. Интересно, что и субъект доноса, и представитель принимающей его организации знают, что угроза от жертвы доноса в действительности не исходит, но отправляют его (видимо, бывшего фронтовика) в ГУЛАГ. Мотивы отца Телякова

из рассказа Рыбина неясны. Ведь он мог либо утаить информацию, либо просто сделать сыну внушение, но предпочел фактически посадить его. Судя по всему, отец Телякова действовал из «патриотических» соображений, ибо уже ранее был «доброжелателем». В принципе подобная структура универсальна, ее можно проследить на примере любого конкретного доноса (хотя фактически мы сталкиваемся с его особой формой – «родственной», нашедшей классическое выражение в случае Павлика Морозова).

Важный вопрос – классификация видов доносов. Поскольку данная форма передачи информации служила специфическим средством стимулирования перемещения чиновника по иерархической лестнице (т. е. своеобразным фактором социальной мобильности), постольку на первом месте может стоять «профессиональный донос». Затем идет его бытовая форма, когда таким путем хотят избавиться от конкурента (соседа, коллеги и т. д.), не имея желания занять его место в чиновничьей табели о рангах. Интерес представляет такой распространенный в СССР и иных тоталитарных странах вид информирования «компетентных органов», как «родственный донос», когда доносчик и его жертва приходятся друг другу родственниками (мать, жена, брат, отец, сын).

Однако перечисленные формы носят преимущественно индивидуальный (или узкогрупповой, включающий от двух до пяти человек) характер, реализуются келейно, предполагают определенное сохранение тайны от иных лиц. Между тем в СССР имел распространение и групповой донос, когда скрытая информация об отдельных людях предавалась гласности публично, что подразумевало немедленную реакцию на нее властных органов.

На практике разделение указанных видов доносов крайне сложно. Скажем, «бытовой» донос мог быстро перерасти в «профессиональный», стать «родственным», «публичным». «Профессиональный» – преследовать и чисто «бытовые» цели. Вместе с тем выявление указанных идеальных типов (в духе М. Вебера) доносов полезно в познавательных целях.

Профессиональный донос – один из наиболее распространенных типов для 1930-х годов. А. Рыбин полагает, что аресты в среде авиаконструкторов происходили потому, что они «писали крамолы друг на друга, каждый восхвалял свой самолет и топил другого» (Рыбин 2010: 92). Подобное можно сказать и о других профессио-

нальных группах – военных, артистах и т. д. Рассмотрим особенности данного типа доноса на конкретном примере.

1937 год. В Наркомат сельского хозяйства приходит молодой (32 года) работник И. Бенедиктов. Благодаря трудолюбию, принятию рискованных решений он быстро повышается в должности. Некоторым коллегам по организации это совсем не нравится. Тогда они суммируют недостатки в его работе и сообщают в НКВД письменно о «вредительской деятельности в наркомате Бенедиктова И. А.». Его вызывают в органы, дают ознакомиться с сутью претензий. Вот так Бенедиктов вспоминал ситуацию 40 лет спустя: «Все... факты, перечисленные в документе, имели место: и закупки в Германии непригодной для наших условий сельскохозяйственной техники, и ошибочные... директивы, и игнорирование справедливых жалоб с мест, и отдельные высказывания, которые я делал в шутку в узком кругу. Конечно, все происходило от моего незнания... недостатка опыта... злого умысла, естественно, не было» (Бенедиктов 2010: 153). Озадачили Бенедиктова и личности доносчиков. Первый его не удивил, ибо он специализировался на этом деле, «писал доносы на многих в наркомате», «так что серьезно к его писаниям никто не относился», а позже получил «тюремное заключение за клевету». Зато второй и третий – поразили: «...это были подписи людей, которых я считал самыми близкими друзьями, которым доверял целиком и полностью» (Там же: 154).

Бенедиктову, на мой взгляд, достался «счастливый билет», а потому его ситуация не совсем типична для 1930-х годов. Органы начали не с его ареста, а с изучения ситуации, т. е. стали «разбираться». К тому же Бенедиктов на следующий день после беседы в НКВД получил повышение: его назначили наркомом сельского хозяйства СССР. Сталин лично отвел от него грозу из-за «практической полезности» нового кадра. Не всем так везло. При наличии в партийных или следственных органах людей, желающих продвигаться на разоблачении «вредителей», судьба человека, на которого донесли, могла сложиться более трагично. Наконец, Бенедиктову в НКВД дали ознакомиться с материалами доноса. Многим жертвам такая удача не улыбнулась, им сразу предъявлялись обвинения.

Для понимания структуры «профессионального доноса» история Бенедиктова дает ряд интересных деталей. Во-первых, такой донос предполагал объединение нескольких лиц, движимых общим

мотивом – донести до правоохранительных органов такую информацию, которая убрала бы с их «административного пути» вредного человека.

Во-вторых, такой донос касается не отдельных действий человека в данный момент (как в случае с Теляковым, угрожавшим убить Сталина), а деяний, совершенных в какой-то определенный и достаточно длительный период, т. е. носит долгосрочный характер (время работы Бенедиктова в наркомате).

В-третьих, Бенедиктов предлагает интересный (и почти научный) термин – «штатный доносчик», т. е. сотрудник государственной структуры, специализирующийся на создании ложной информации о людях, которую по личной инициативе передает в правоохранительные органы. (В конкретном случае этот человек «получил срок» за свою деятельность, но немало подобных «героев» остались безнаказанными; можно предположить, что оказаться в тюрьме ему «помог» ставший наркомом Бенедиктов, не простивший пережитого страха или не желавший терпеть такого чиновника в собственном ведомстве.) Но кроме «штатного» доносчика важную роль в передаче соответствующей информации в «компетентные органы» играют и «доносчики ситуативные», объединяющиеся для решения собственных корыстных задач. (Такая ситуация характерна не только для СССР. Близкое разделение «труда» доносчиков описано в романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо», действие которого начинается в 1815 году. Кадрусс, наименее образованный из данной группы, записывает текст, более умный [Данглар] – диктует. Королевский прокурор [Вильфор], принявший сообщение, дабы не скомпрометировать себя через отца политической связью с Бонапартом, отправляет Э. Дантеса «на всякий случай» в закрытую тюрьму – замок Иф – без суда.) По сути, в случае коллективного доноса речь идет о некоей временной группе единомышленников, где есть «мотор», инициатор доноса, и его «коллеги», связанные своеобразной коллективной волей.

В-четвертых, интересен текст доноса, его содержание. Это определенным образом поданные факты. Реальные деяния представляются как враждебная тенденция, которая, по крайней мере, может быть воспринята в этом ключе правоохранительными органами. Информация должна интерпретироваться так, чтобы последние как можно быстрее приняли по ней меры.

В-пятых, доносчиков и жертву могут связывать до определенного периода хорошие личные отношения. Первые должны максимально маскироваться, чтобы до поры не выдать планируемые и совершенные против жертвы действия. Налицо своеобразное взаимодействие в системе «охотник – дичь», но интересно, что первые сначала уступают по силе второй (имеющей за собой административный ресурс).

В-шестых, групповой донос в 1930-е годы – часто синоним ареста, его важная предтеча (иногда эту роль играли и собрания в данной организации, где от будущей жертвы публично отрекались бывшие товарищи). Неслучайно жена Бенедиктова дает ему, идущему в ЦК ВКП(б), узелок с вещами, который может пригодиться в тюрьме (Бенедиктов 2010: 156).

В целом же, несмотря на отдельные особенности, профессиональный донос воспроизводит его общую структуру. Есть доносчики (с соответствующей мотивацией), объект, на который передается информация, и адресат (государственный орган), принимающий решения на ее основе. Целью же данной группы выступает корысть, желание убрать с административного поста определенного человека.

Бытовой донос – не менее распространенная форма, чем профессиональный. Он касается не высших сфер, а взаимоотношений с ближайшим социальным окружением. Стимулом к нему может послужить что угодно: ссора, конфликт из-за участка земли с соседом, ненависть к богатству ближнего, любовное соперничество и т. д. Если вспомнить аналогию «НКВД – почтовый ящик», то написать туда (и ждать ответа) мог любой человек, независимо от его социального положения и статуса. Кроме того, совсем не обязательно было обращаться непосредственно в правоохранительные органы. Ведь существовали тесно связанные с ними партийные, комсомольские, советские и т. п. «инстанции», которые активно сотрудничали (передавали информацию) с НКВД.

Понять генезис бытовых доносов поможет документ из архива обкома ВКП(б) Западной области с центром в Смоленске (включавшей территории нынешней Смоленской, Брянской, Калужской, Орловской областей), который после немецкой оккупации города оказался в США. Он дает анатомию данного явления в чистом виде, ибо является тайной деловой перепиской нескольких районных

чиновников, не предназначенной для ведомых ими «народных масс».

Вот сообщение секретаря Козельского райкома ВКП(б) П. Деменка начальнику местного районного отдела НКВД Западной области А. Цебуру. «Сов. секретно. НКВД. Тов. Цебур. В квартире колхозника Хромова Афанасия (колхоз «Красный Октябрь»...) 22/6 1936 года обнаружен портрет Троцкого в квартире. Хромов, по сведениям, разложившийся колхозник и ведет в колхозе подрывную работу. За то, что колхозник Ульянов Василий донес об этом, Хромов избил отца Ульянова. Просьба принять меры к расследованию и по привлечению отца Хромова к ответственности. Деменок. 5/11-1936 года» (цит. по: Восленский 1991: 514).

Начнем с даты. Между обнаружением у А. Хромова в доме портрета Л. Троцкого и просьбой со стороны секретаря райкома разобраться с ситуацией в НКВД прошло более четырех месяцев. Так что теперь понять, висел ли этот портрет там или нет, нельзя. Главное – в другом. Сообщение с места идет даже до районного начальника, требующего отреагировать на него компетентные органы, почти полгода, проходя различные бюрократические инстанции. Отметим важную тенденцию: «путешествующий» снизу вверх по бюрократической лестнице донос всегда обречен на длительное движение. В случае его перемещения «сверху вниз» ситуация изменяется на противоположную. Административные меры по доносу принимаются гораздо быстрее. Отсюда знаменитый афоризм: «В СССР скорость стука опережает скорость звука» – не совсем верен. «Скорость стука» опосредуется бюрократической машиной. К тому же объективно принятие мер против упомянутого в доносе облеченного властью лица важнее, чем против обычного человека. По всей видимости, в СССР 1930-х годов «сверху вниз» донос шел быстрее, чем в обратном направлении.

Теперь коснемся сообщения П. Деменка, его формы. Ситуация, когда «колхозник Ульянов Василий донес об этом», кажется партийному начальнику нормальной. Самостийное наказание за этот поступок со стороны родственников потерпевшей стороны – преступлением. Таков фон для разворачивающегося действия.

Не менее интересно и содержание «депешки». Прежде всего только излишняя бдительность заставляет секретаря райкома информировать начальника местного НКВД о случае в отдельном

колхозе. Сам Деменок никакого портрета Троцкого в доме Хромова, конечно, не видел (иначе бы обязательно отметил данный факт: личное участие в фиксации «вражеской вылазки»). Поэтому пишет донос на базе чужого сообщения. В принципе информация о ситуации в «Красном Октябре» должна была идти обратным порядком: от НКВД к секретарю райкома. Здесь же партийное начальство просит (а фактически требует) «принять меры к расследованию и привлечению отца Хромова к ответственности».

Правомочен вопрос: что послужило реальным поводом для данного доноса? Сомнительно, чтобы А. Хромов держал в доме в 1936 году портрет Л. Троцкого. Во-первых, этот политик мало хорошего сделал крестьянам в годы Гражданской войны, а потому вряд ли после изгнания Троцкого из СССР колхозник стал хранить его «клик» дома, как икону. Во-вторых, с 1929 года официальная пропаганда рисовала его населению как организатора «вредительства» в стране, убийства С. М. Кирова, «международного шпиона». В августе 1936 года (через 2 месяца после «обнаружения» портрета Троцкого у Хромова) состоялся первый процесс над троцкистско-зиновьевским блоком (Г. Зиновьевым, Л. Каменевым и др.), подсудимые были казнены. В таких условиях держать на стене портрет Троцкого – безумие со стороны Хромова. Вряд ли он (имея на попечении отца и, наверно, семью) решился бы на такой шаг.

Вероятнее всего, дело, послужившее спусковым механизмом к доносу, развертывалось так. Между Хромовым и Ульяновым происходит бытовая ссора. Последнего посещает мысль избавиться от соперника с помощью НКВД. Тогда Ульянов сообщает «куда надо» о наличии у Хромова дома портрета Троцкого. Почему – понятно: раз Троцкий – враг государства, то хранящий память о нем Хромов быстро превратится во «врага народа». Это наиболее важный для государства повод к аресту. «До кучи» в донос добавляется информация о «подрывной работе» Хромова в колхозе, его морально-бытовом «разложении». Однако план Ульянова-младшего срывается. Хромова сразу не арестовывают (тот находится на свободе и в ноябре 1936 года). Более того, он узнает о доносе (может быть, через знакомых в сельсовете), пытается разобраться с доносчиком. Избиение отца Ульянова выглядит мало логичным (понятно, если бы избитым оказался Ульянов-младший, которого Деменок называет организатором доноса). Возможно, Ульянов-старший

что-то сказал Хромову при встрече на улице, что перевело ссору в иную плоскость. Важно другое: теперь донос пишется на еще одно лицо. Хромовы для партийного начальства и НКВД превращаются во вражескую группу. Их деяния опаснее, чем у одного Хромов-младшего. Букет таких «преступлений» заставляет обратить на них внимание и секретаря райкома.

В целом на примере доноса Ульянова на Хромова виден генезис данного явления в 1930-е годы. Реальный факт бытовой ссоры «заворачивается», как конфета, в соответствующую ядовитую обертку «политических преступлений». Власти привлекаются к объекту доноса фактами, подтверждающими политическую неблагонадежность (портрет Троцкого в доме), морально-бытовое разложение (видимо, воровство в колхозе), попытками проведения террористических актов (именно так интерпретируются действия Хромова против Ульянова-старшего). Донос долго движется «снизу вверх», пока не находит властного адресата, способного дать ему ход.

Публичный донос – весьма специфическая его форма, распространенная в СССР 1930-х годов. В этом случае секретная информация о человеке озвучивается публично, в присутствии многих, на особом собрании. Структура доноса остается прежней, но ее первичный адресат – не НКВД, а трудовой коллектив, который должен «одобрить» сообщение доносчика и потом передать его в правоохранительные органы. Подобная форма доноса (в воинском коллективе середины 1930-х годов) показана в романе Г. Я. Бакланова «Июль 41 года» (видимо, автор наблюдал ее лично). Герой книги генерал Щербатов (на момент описываемых событий командир батальона, майор) вспоминает о выступлении на подобном «собрании-разоблачении» своего подчиненного капитана, командира роты. Последний, выйдя на трибуну, заявил:

«← Товарищи! Политический момент, который переживает наша страна, титаническая борьба, которую ведет партия под руководством... вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина... эта борьба требует от... нас не только бдительности, но и партийной принципиальности... Давайте спросим себя, как коммунист коммуниста...: “Всегда ли мы оказываемся способны стать выше личных, приятельских отношений?”... Не всегда! Вот среди нас сидит полковник... Масенко... А ведь вы неискренни перед партией...

В двадцать седьмом году, помните, вы присутствовали на собрании троцкистов?

А по проходу уже... почти бежал пожилой полковник Масенко... Перед ним отводили глаза.

– Я скажу...! – кричал он еще снизу. – Я был... послан по заданию партии... А вы как же? Почему вы меня видели там? ...И я еще скажу. Я назову... Капитан Городецкий был тогда... посещал. Полковник Фомин...» (Бакланов 1988: 28–29). Масенко указал и на Щербатова, который никогда не присутствовал на «собрании троцкистов», но вдруг ощутил, что «вся его жизнь может быть зачеркнута крест-накрест, если палец остановится на нем» (Там же: 30). Данный публичный донос не повлек репрессий против героя романа, но надолго оставил у него «унизительное чувство» страха перед системой и некоторыми собственными товарищами, коллегами.

В теоретическом плане публичный донос – интересное явление, которое ждет изучения. Отметим его типичные особенности. Во-первых, он требует личной смелости, ибо опасен для самого доносчика. Бакланов отмечает эту черту у капитана-донсчика: «Щербатов увидел его глаза, глаза своего подчиненного, столько раз опускавшиеся перед ним. Сейчас это были глаза человека, для которого нет ничего запретного, который переступил и не остановится ни перед чем» (Там же: 28). (В случае тайных посланий в НКВД он остается неизвестным для коллег, здесь же проявляет себя. Одно дело – опустить письмо в «почтовый ящик», другое – открыто озвучить его содержание.) Можно из обвинителя быстро превратиться в жертву. Кстати, это выход для тех, кого обвиняют. В примере Бакланова они ведут себя как дети, которые пытаются переложить вину с одного на другого, что только усугубляет ситуацию. Между тем в 1930-е годы бывали случаи, когда на собраниях (из чувства самосохранения и обычной справедливости) таким доносчикам давали отпор, не принимали административных мер (исключение из партии, снятие с работы, передача дела в НКВД и т. п.) против обвиняемых ими людей.

Во-вторых, такой донос предполагает, что по нему быстро будут приняты меры, т. е. объекты доноса за короткий (желательно за несколько дней) срок будут лишены постов (должностей) или арестованы (иначе они успеют нейтрализовать доносчика, опираясь на властный ресурс или схожим образом).

В-третьих, публичный донос может быть направлен против старших в данной иерархии лиц. В приводимом примере капитан нарушает законы армейской иерархии и обвиняет в связях с троцкистами полковника и т. д.

В-четвертых, необходимы соответствующим образом настроенная публика, готовая к совершению данного действия, освещение происходящего действия со стороны внешних сил (не случайная адресация субъекта доноса к авторитету Сталина).

При анализе доносов интересен и контекст, т. е. социальные условия, способствующие их распространению. Кроме чисто идеологических (оправданность доносов «высшими» потребностями государства в глазах значительной части населения страны) следует выделить и институциональные причины такого явления в СССР. Правоохранительные органы (НКВД) в 1930-е годы получили более обширную власть над людьми, чем они имели в Российской империи, и это стимулировало доносительство. Как отмечает А. Орлов (Л. Фельдбин), «в распоряжении НКВД было гораздо больше возможностей для вербовки... осведомителей, чем у охранного отделения. Последнее, стремясь принудить революционера стать агентом-provocатором, не могло угрожать ему смертью в случае отказа. НКВД не только угрожал, но имел практическую возможность убивать строптивых, так как не нуждался в судебном приговоре. Дореволюционный департамент полиции мог отправить в ссылку самого революционера, однако не имел права сослать или подвергнуть преследованиям членов его семьи. НКВД такими правами обладал» (Орлов 1991: 58). Конечно, не всех отказавшихся идти в осведомители людей казнили. Но получить тюремный срок за это человек мог. Расширение прав карательных органов над жизнью и свободой граждан выступает важнейшим фактором, способствующим усилению доносительства на государственном уровне.

Не менее интересен и вопрос о судьбе доносчиков. Какая-то часть из них (особенно находившихся на низовых уровнях административной лестницы или за ее пределами) не пострадала, мирно скончалась в собственных постелях. Но часто доносчик тоже рисковал свободой и даже жизнью. Подобный риск уменьшался, если речь шла о бытовых доносах (ибо здесь доносчик мог долго оставаться неузнанным), увеличивался в случае родственных, становился значительным при профессиональных доносах и был запре-

делен (граничил с опасностью для канатоходца под куполом цирка) в случае публичного доноса. Причем чем чаще кто-то прибегал к помощи доносов, тем выше оказывался риск (здесь тоже в своеобразной форме работает диалектический закон перехода количественных изменений в качественные). Наказание могло последовать как от народных низов, ближайших родственников (судьба Павлика Морозова, убитого, по официальной версии, собственным дедом по линии отца за донос на последнего), так и от самих карательных органов. Не всегда дорожили доносчиком и органы НКВД, ибо он оказывался лишним свидетелем работы репрессивной машины. В частности, была отправлена в ссылку бывшая жена подсудимого на первом из процессов по делу троцкистско-зиновьевского блока (1936 год) И. Н. Смирнова – А. Н. Сафонова, давшая обличающие экс-супруга показания.

Кроме того, на уровне государственного органа «профессионального доносчика» тоже стремились нейтрализовать. Он был потенциально опасен для любого начальника как человек, произвольно и неконтролируемо выносящий «сор из избы». И так было не только в наркомате, возглавляемом И. Бенедиктовым.

Наконец, в 1930-е годы репрессии то ускорялись, то шли на спад (с неизбежным поиском виноватых в них «стрелочников»). Человек, неправильно информировавший «дорогие органы» (термин А. Галича) о противоправных деяниях ближнего, идеально подходил на роль «виноватого» в несправедном аресте. С его наказанием как бы восстанавливалась социальная справедливость. Получалось, что «органы разобрались», освободили невиновного. Примечательно то, что в уголовных кодексах республик СССР присутствовали статьи, предусматривающие наказание одновременно и за клевету, и за недоносительство.

Суммируя данные тенденции, отмечу: доносчик, не получивший в 1930-е годы тюремный срок или даже смертную казнь, – достаточно редкое явление². Хотя проблема участи доносчика заслуживает более подробного социологического исследования.

² И так было не только в СССР. Донесший на Христа его ученик Иуда закончил свои дни насильственно: по одной версии – убит, по другой – покончил жизнь самоубийством. Эпизод, сходный с библейским, имел место и с реальным персонажем. В 43 году до н. э. ученик Марка Туллия Цицерона по прозвищу Филолог, «воспитанный Цицероном в занятиях литературой и науками» (Сравнительные жизнеописания Цицерона 48), сообщил посланным триумвирами (Октавианом Августом, Марком Антонием, Лепидом) убийцам местона-

По-разному складывалась и судьба людей, которые отказались в указанный период стать осведомителями ОГПУ-НКВД. Одни не понесли никакого наказания. Другие (подобно писателю О. Волкову) получили первый тюремный срок, за которым последовали второй, третий и т. д. до смерти И. Сталина. Получалось, что выбор (доносить или нет?) перед человеком оставался. Делал его каждый исходя из своего положения в обществе, моральных принципов.

Грустно признавать, но доносы еще долго будут оставаться частью нашей жизни. По разным мотивам (от алчности до чувства личного самосохранения) количество людей, желающих поделиться секретной информацией о другом человеке с государством, не уменьшится. Средства передачи таких сообщений в XXI веке стали другими. Если в 1930-х годах доносы преимущественно доверяли бумаге или делали устно на публике, то ныне к услугам доносчиков Интернет, электронная почта, скайп, наконец, многочисленные «телефоны доверия» спецслужб, выплачиваемые инкогнито денежные вознаграждения. Несколько другим стало содержание доносов. Постепенно в России ушли в прошлое доносы на идеологический уклонизм, распространение слухов, рассказ «антисоветских анекдотов» и т. п. (по крайней мере, в уголовном кодексе РФ нет статьи, аналогичной 58-й из УК РСФСР 1930-х годов). Однако прокуратура и налоговая полиция призывают нас (ссылаясь на западный опыт) анонимно сообщать по «телефону доверия» о том, своевременно ли выплачивается боссом зарплата сотрудникам, исправно ли ваш шеф (внимание, «честные» бухгалтера!) платит государству налоги и т. д. с соответствующей «денежной компенсацией» тем, кто сообщит секретную информацию «куда надо». Наконец, остается проблема терроризма. Если я вижу, что незнакомые ранее лю-

хождение учителя. В «благодарность» за донос власти передали Филолога жене брата Цицерона – Помпонии, которая приказала подвергнуть его жестокой казни (Сравнительные жизнеописания. Цицерон: 49.213). Между тем количество доносчиков неуклонно росло, что вызвало серьезную обеспокоенность властей. В 79–81 годах борьбу с доносителями на государственном уровне начал римский император Тит. К тому моменту благодаря периодическим гражданским войнам и действиям предшествующих правителей Рима (Калигула, Нерон и др.), по свидетельству Светония, «застарелый произвол доносчиков и их подстрекателей» стал «одним из бедствий времени» (Жизнь двенадцати цезарей 8.8(5)). Лечили эту социальную «болезнь» тоже жестоко. Доносчиков Тит «часто наказывал на форуме (т. е. публично. – В. Н.) плетями... и, наконец, приказал провести по арене амфитеатра и частью продать в рабство, частью сослать на самые дикие острова» (Там же). Предпринял Тит и ряд административно-законодательных шагов для искоренения доносительства. Однако уничтожить само явление и вызванные им проблемы таким путем в Древнем Риме не удалось.

ди складывают в подвал дома мешки с непонятной субстанцией, то нужно ли сообщать об этом в МВД, ФСБ и подобные структуры? Здесь, казалось бы, есть «железное» моральное оправдание поступка: донося, я спасаю собственную жизнь или иных невинных людей, которым угрожают террористы. Одновременно происходит и другое. Однажды став доносчиком, потом трудно (особенно после получения славы или материального вознаграждения) сойти с этого пути. Вопрос «в каком случае донос оправдан?» остается жгуче актуальным и в наше «демократическое» время, лишенное, казалось бы, острых для 1930-х годов идеологических предпочтений.

Трудности и противоречия имеются здесь и с позиции государства. С одной стороны, доносы нельзя поощрять. Дело не только в их формальном противоречии принципам демократии (хотя на Западе, по крайней мере на бытовом уровне, одно другому не мешает, а даже способствует). Беда в том, что если государство открыто укажет, доносы на какой объект (тип людей) ему предпочтительны, и поощрит «бдительных граждан», то спецслужбы получают огромный массив «пустой» информации, на проверку которой уйдет очень много рабочего времени. С другой стороны, без доносов (как их ни назови) ни государству, ни его правоохранительным структурам обойтись нельзя. Иначе многие преступления (включая террористические акты) не смогут быть предотвращены. Именно такая дилемма характерна для доносов XXI века. Относительно доносов и доносчиков в знаменитом выборе героини пьесы С. Михалкова «казнить нельзя помиловать» наше общество, с учетом опыта прошлого, пока не решило, где ставить запятую. Да и делать это еще рано.

В заключение выскажу ряд соображений по поводу перспектив исследования темы.

1. Донос рассматривался как феномен 1930-х годов, но поучительно было бы и исследование его современных форм, особенно на Западе. Также интересна тема «Демократия и донос в западном и российском обществе».

2. Донос изучался как преимущественно информационный и психологический феномен. Однако этим аспектом он не исчерпывается. Целесообразно выявить и рассмотреть механизмы, которыми государство стимулирует процесс доносительства как при демократии, так и при тоталитаризме.

3. Выявлен ряд форм (идеальных типов) доносов в 1930-е годы: «профессиональный», «бытовой», «родственный», «публичный». Каждый из них заслуживает подробного рассмотрения с теоретических позиций. Кроме того, следует выделить и иные типы доносов, характерные для данного периода.

4. Имеет смысл проследить (на масштабном историческом, персональном материале) судьбы доносчиков в 1930-е годы с выявлением общего в частном, т. е. определенных социальных закономерностей процесса.

Литература

Бенедиктов, И. А. 2010. *Рядом со Сталиным*. М.: ЭКСМО.

Бакланов, Г. Я. 1988. *Июль 41 года. Навеки – девятнадцатилетние*. М.: Худ. лит-ра.

Восленский, М. С. 1991. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. М.: Советская Россия.

Галич, А. А. 1989. *Возвращение*. Л.: Киноцентр.

Орлов, А. (Фельдбин, Л. Л.). 1991. *Тайная история сталинских преступлений*. М.: АВТОР.

Рыбин, А. Т. 2010. *Записки телохранителя Сталина*. М.: ЭКСМО.

Солоневич, И. Л. 2011. *Народная монархия*. М.: Алгоритм.